

Слава
БОГАТЫХ

РАЗВОД

**ПО-АМЕРИКАНСКИ
ДНК СВОБОДЫ**

Слава Богатых

Развод по-американски.

Днк свободы

<https://litres.ru/74559468>

Аннотация

— Джон, я три часа простояла у клиники с сыном на руках!
— мой голос срывается.

— Проваливай, Алина! Забирай своего темнокожего нагуляша и вон из дома!

— Это ошибка клиники! Перепутали пробирки! У меня никого не было, кроме тебя! — едва сдерживаю слезы, прижимая к себе крошечный сонный сверток.

— Хватит врать, дрянь! Ты думаешь, что я поверю в это дерьмо?

Я задыхаюсь от несправедливости. Хочу закричать, что он ошибается, как вдруг...Из-под его одеяла выныривает она, знакомая мулатка.

Мир уходит из-под ног.

— Ты?! — сердце пропускает удар.Теперь я знаю, кто устроил этот ад.

Книга участник литмоба "Развод с иностранцем"

♥#♥#♥#Дорогие читатели не пропустите ТОЛЬКО
СЕГОДНЯ скидки на две мои книги:

Быаший. Ирония (не) судьбы:

Поехала на корпоративный Новый год, а оказалась в одном номере с бывшим, его кошкой и своей собакой!

Адвокат моей (не) воли:

Мое первое дело, как адвоката, оказалось полным кошмаром!
А тут ещё и предательство жениха и невероятно сексуальный босс
и опасно красивый подсудимый...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Визуалы. Алина	33
Визуалы. Джон	35
Глава 4	38
Глава 5	47
От автора	55
Глава 6	56
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Пролог

Тум-тум... тум-тум... Что это стучит? Голова? Нет. Где-то ниже... в животе... Там пустота. Странная, ноющая пустота. И холодно. Почему мне так холодно?

— Алина? Алина, ты слышишь меня?

Я с трудом разлепляю веки. Перед глазами всё плывет. Белый потолок, белые стены. Запах лекарств. Больница.

— Джон? — Мой голос звучит как чужой, хриплый и слабый. — Что... что случилось? Ребенок... где наш ребенок?

Джон стоит в дверях. Он не подходит к кровати. В руках у него синий больничный конверт. Он мнется на пороге, и мне кажется, что я вижу, как дрожит его челюсть. Он зол? Почему он зол?

— Ты спрашиваешь про ребенка? — его голос звенит, как натянутая струна. — Вот, полюбуйся. Это то, что извлекли из тебя.

Он подходит рывком и почти бросает конверт мне на грудь. Я инстинктивно подхватываю его, чтобы сверток не

упал. Заглядываю внутрь.

Мир на секунду останавливается. А потом начинает вращаться в другую сторону.

— О, Господи... — шепчу я, глядя на крошечное личико.
— Какой... какой он красивый... вот только...

Я не успеваю закончить, потому что муж жестко перебивает меня.

— Красивый?! — Джон взрывается. Он нависает надо мной, и я вижу, как бешено пульсирует жилка у него на виске.

— Ты называешь это красивым?! Алина, посмотри на него! Посмотри на нас! Он черный! Этот ребенок черный, Алина!

— Я... я вижу... Ты просто не дал мне договорить, — я смотрю на малыша, на его темную кожу, на курчавый пушок на головке. Он сопит во сне и смешно морщит носик. Мое сердце пропускает удар.

— Но... Джон, это какая-то ошибка. В больницах иногда путают...

— Ошибка?! — он выхватывает у меня конверт и тычет

им мне в лицо.

— Вот бирка! Читай! Фамилия, дата, вес! Его вытащили из тебя! Я сам, своими глазами это видел! Я стоял за стеклом, когда тебе делали кесарево! Никакой ошибки! Это твой ребенок, Алина! Мать твою!

Он отворачивается, делает шаг назад и снова наклоняется надо мной и пытается схватить ребёнка. От этого резкого движения внутри всё пронзает острой болью. Швы.

— Не смей так обращаться с ним! — кричу я, прижимая сына к груди, так чтобы муж не смог забрать его у меня. Джон сейчас в таком состоянии, что может сотворить с ребенком все, что угодно. Я не могу это позволить. — Он маленький, Джон! Приди в себя! Он не такой, как ты!

— Не такой, как я? — Джон смеется, но в смехе нет веселья. — Да он на меня абсолютно не похож! Это позор, Алина! Ты понимаешь? Что скажут мои родители и вся наша родня? Что скажут в моем офисе? В высшем обществе, в котором мы состоим?! Моя жена родила чернокожего ребенка! Нагуляла от кого-то! С кем ты мне изменяла?!

— Успокойся! Дай мне подумать! Этого не может быть! Я никогда... У меня никого не было, только ты!

— Не было? — он наклоняется ко мне, и его лицо искажает гримаса отвращения.

— А это что тогда? Дар Духа Святого? Хватит врать! Я всё знаю про тебя! И про твоего учителя Английского Мартина! Говорят, у них у всех большие.... Решила попробовать?! Тебе понравилось, да?!

— Мартина? Джон, ты с ума сошел! Мартин просто мой учитель, и у него лысина на полголовы!

— А, по-твоему, если лысина, то все, импотент? — он выпрямляется и смотрит на меня сверху вниз с такой ненавистью, что мне становится страшно.

— Я требую развода, Алина. Немедленно. Я подаю на развод и на оспаривание отцовства. Я не собираюсь растить чужого выродка.

Слезы душат меня. Я смотрю на сына. Он такой беззащитный. Он открывает глаза на секунду... мутные, новорожденные, но такие огромные и бездонно-темные. Смотрит на меня. И мой мир схлопывается до размеров этого больничного конверта.

— Джон, пожалуйста... — шепчу я, но он уже у двери.

— Я пришла адвоката. Прощай, Алина.

Дверь хлопает. В палате повисает звенящая тишина, нарушаемая только моими всхлипами и тихим сопением малыша. Я смотрю на него, на его темные пальчики, сжатые в кулачки.

— Кто же ты такой, маленький? — шепчу я, касаясь губами его лба.

— И откуда ты взялся на мою голову?

Он чмокает губками во сне. И тут я замечаю то, чего не заметила в шоке сначала. У него на запястье, под больничной биркой... маленькое родимое пятно. В форме полумесяца. Точно такое же, как у меня на спине. И у моей мамы. И у бабушки.

— Это просто невозможно... — застываю я.

Глава 1

Несколько дней до этого

— Алина, задержитесь, пожалуйста.

Голос врача звучит ровно, буднично, но почему-то от него у меня холодеют кончики пальцев.

Я уже взялась за дверную ручку, собираясь выйти из кабинета, и теперь замираю в неудобной позе, на полусогнутых ногах.

— Что-то случилось? — поворачиваюсь.

Живот уже большой, соответствует моему сроку - двадцать четвертая неделя беременности. Тяжелый, круглый, он заставляет меня переваливаться, как утка. В кабинете немного душно, и я внезапно чувствую, как вспотела ладонь, сжимающая ручку двери.

Врач, ведущая мою беременность, латиноамериканская женщина лет пятидесяти, с усталыми глазами и седыми прядями в темных волосах, смотрит сквозь очки на монитор, потом на бумаги, потом снова на монитор и, наконец, на меня.

— Присаживайтесь, — кивает на стул.

Я послушно сажусь. Малыш внутри тут же толкается, видно, неудобно ему, когда я сижу. Или он просто чувствует мое напряжение.

— По результатам биохимического скрининга у нас некоторые... особенности, — бегло говорит врач, водя пальцем по строчкам.

— РАРР-А слегка понижен, ХГЧ, наоборот, выше среднестатистических значений. Сами по себе эти показатели не критичны, но в совокупности...

— Что? — перебиваю я.

За три года, что я живу в Америке я научилась понимать Английскую речь практически в совершенстве, но только не медицинские термины, которыми осыпает меня врач, миссис Смит. Я понимаю, что с моими анализам что-то не так, но что конкретно...

— С ребенком что-то не так? — спрашиваю я, пытаюсь спрятать испуг. Внутри меня все напрягается.

— С ребенком, судя по УЗИ, всё в порядке, — она поправляет очки. — Но есть некоторые... нестыковки в генетическом профиле.

Я сглатываю. Слово «генетический» звучит как приговор из плохого кино.

— В каком смысле нестыковки?

Врач смотрит на меня поверх очков.

— Понимаете, Алина, у нас тут программа рассчитывает риски на основе этнической принадлежности родителей. Для европейской популяции одни коэффициенты, для других - иные. А у вашего малыша прослеживаются маркеры... — она замолкает, подбирая слова. — Скажем так, не совсем характерные..

Я моргаю. Ничего не понимаю. И от этого становится страшно.

— Не характерны для чего? Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что пока рано для поспешных выводов, — она говорит это спокойно, деловито, как будто обсуждает погоду. — Это может быть просто особенностью гормонального фона или даже погрешностью лаборатории. Но чтобы исключить все риски, я рекомендую пройти расширенный неинвазивный тест. Он покажет полную картину.

Я молчу. Смотрю на бумаги, которые она протягивает. Направление в другую лабораторию.

— Это займет дней десять, — добавляет врач. — Результаты придут на электронную почту.

— А если не делать? — спрашиваю тихо.

— Можете не делать, — пожимает плечами она. — Скорее всего, всё хорошо. Но если хотите знать наверняка...

Я беру направление. Руки слегка дрожат.

— Спасибо, — говорю на автомате и выхожу в коридор.

На улице Нью-Йоркская весна. Солнце светит по-летнему ярко, но ветер все еще холодный. Я стою у крыльца медицинского центра и смотрю на бумагу с направлением.

Что все это значит? Может я что-то не поняла из-за того, что врач говорила на английском. Как жаль, что Джон не смог быть сегодня рядом со мной... Он бы смог расспросить обо всем подробнее и мне бы не было так страшно сейчас...

Малыш толкается снова, на этот раз больно, прямо под

ребра. Я глажу живот через тонкую ткань пальто.

— Всё хорошо, маленький, — шепчу. — Всё хорошо.

Я сажусь в свою машину, завожу мотор. И первым делом набираю Джона.

Гудок. Еще один. Третий. А затем неприятный звук.

— The subscriber you are trying to reach is temporarily unavailable, — сообщает механический голос.

Аббонент недоступен.

Я сбрасываю и набираю снова. Но снова натываюсь на холодный автоответчик.

— Странно, — бормочу я себе под нос. — Он же всегда на связи.

Все еще дрожащей рукой я набираю сообщение:

«Джон, позвони, как сможешь. Врач сказала какие-то странные вещи, надо обсудить».

Отправляю смс. Жду минуту, другую, третью. Сообщение доставлено, но не прочитано.

Я смотрю на телефон в ожидании и невольно вспоминаю

о том, как вообще здесь оказалась, устремившись за Американской мечтой.

Три года назад я приехала в Нью-Йорк на годовую стажировку после окончания юридического факультета. Мои родители, владельцы крупной юридической фирмы, были знакомы со Свенсонами по бизнесу. Какая-то конференция, общие партнеры, пара совместных проектов. Когда встал вопрос о моей стажировке, они позвонили им: «Приглядите за девочкой».

Я поселилась в их квартире. Огромной, с мраморными полами и видом на залив. Я чувствовала себя, как героиня из своего любимого фильма «Адвокат Дьявола», когда она с мужем только въехала в новую квартиру.

Родители Джона, Харольд и Бригитта, были неизменно вежливы, но постоянно заняты. Она, как и мои родители, владела юридическим бизнесом, но у них это была скорее корпорация, которая требовала постоянного присутствия. А Джон... Джон был дома, готовился к экзамену на статус адвоката.

Он ухаживал красиво. Не навязчиво, но постоянно был рядом. Цветы, книги, прогулки по набережной. Он возил меня в рестораны, в театры, на джазовые концерты. И ни разу не позволил себе лишнего. Ни разу не настаивал на близости. Моя подруга Катя, с которой я каждый день болтала по

телефону, тогда сильно удивлялась.

— Алина, это ненормально! Мужчины не могут так долго без секса! С ним что-то не то! Он явно...

Глава 2

— Явно, что?

— Тебе изменяет! Как минимум с шлюхами. Ну или у него стручок не стоит.

Но у Джона было разумное объяснение:

— Я уважаю тебя, Алина, — говорил он по-русски с характерным мягким акцентом, от которого у меня не сердце начинала играть музыка. — И не хочу тебя торопить. Секс — это не главное в отношениях.

Мои родители были в восторге, когда узнали, что мы начали встречаться.

— Такой воспитанный молодой человек! Из хорошей семьи!

— Удачная партия, — вторил отец. — Нам не помешает объединить наши бизнесы, если ты понимаешь, о чем я.

За месяц до окончания стажировки он сделал мне предложение.

Прямо на набережной, на закате, с кольцом, которое, как я потом узнала, стоило больше, чем моя машина в Москве.

Я сказала «да». Потому что он был идеальным во всем. А еще потому, что он меня уважал. И главное, потому что так было правильно, и мои родители были в восторге от этой новости.

Свадьбу организовали быстро, всего через каких-то три месяца. Все готовила свадебный организатор, нанятая Бригиттой. Мне позволили выбрать только одно - мое свадебное платье.

Я помню тот день, когда я очутилась в свадебном салоне, абсолютно одна.

Белое кружево, фата, десятки вешалок с платьями, от которых рябило в глазах. Я стояла в очередном наряде, чувствуя себя невестой из журнала, но внутри было пусто. Красиво, но не мое.

— Дорогая, тебе идет все, — консультант щебетала рядом. — Но это платье... оно словно создано для тебя!

Я смотрела в зеркало и не знала, что ей ответить

И тут в примерочную заглянула женщина. Афроамериканка, лет сорока пяти, в строгом костюме, с усталыми, но

очень добрыми глазами.

— Извините, — сказала она. — Я ищу свою консультантку, но, кажется, ошиблась дверью.

Она уже хотела уйти, но остановилась, увидев меня в платье.

— О, боже мой, — выдохнула она. — Вы выглядите как принцесса. Но это платье, оно абсолютно вам не по фигуре.

Консультантка вся побелела от этих слов, потому что они были правдой. А я улыбнулась, почувствовав поддержку.

— Вы правда так думаете?

— Абсолютно, — она вошла и села в кресло, забыв, куда шла.

— Принесите нам то, что висит на манекене при входе. Платье от Веры Ванг, но только её размера XS. S висит на ней, разве это не видно.

Продавец-консультант испуганно кивнула несколько раз и тут же исчезала из вида.

— Знаете, я вообще-то пришла выбирать платье для важного события. Моего сына Эштона назначили заведующим клиникой, будет торжественный прием. Я хотела что-то скромное, но элегантное. Но ваше дело важнее.

Продавщица появилась снова с платьем в руках, которое я осторожно надела. А женщина помогла мне его застегнуть.

— А ну-ка повернись!

Я послушно повернулась.

— А теперь покрутись немного!

Она смотрела с таким искренним восхищением, что на глаза навернулись слезы.

— Вот это платье, как на тебя шили, — сказала она твердо. — Бери это. Ты в нем самая красивая невеста, которую я видела.

Я взяла. И до сих пор благодарна той женщине. Если бы она сейчас была со мной рядом, то помогла бы мне разобраться и с этой ситуацией.

В тот день мы поболтали с ней почти час, она рассказы-

вала о сыне, о том, как гордится им. Я забыла спросить ее имя. А она забыла о своем платье. Так и ушла с улыбкой и пожеланиями счастья. Но вышла замуж я в другом платье, прямого скромного фасона, потому что это пышное не одобрила мама Джона. А Вера Ванг до сих пор весит в моем шкафу...

Свадьба была шикарной. Церковь, гости, оркестр. Родители Джона улыбались на фотографиях, но по-настоящему теплыми эти улыбки не были. Они были вежливыми, деловыми и холодными.

За неделю до свадьбы Харольд пригласил меня в кабинет.

— Алина, — сказал он, протягивая папку. — Это брачный договор. Наши адвокаты подготовили его. Здесь все стандартно: раздельное имущество, которое было до брака, остается за каждым. В случае развода ты получаешь солидную компенсацию, но на бизнес семьи претендовать не можешь. Джон уже подписал. Ознакомься и, если согласна, подпиши.

Я читала, чувствуя, как внутри все сжимается. Цифры были щедрыми. Очень щедрыми. Но сам факт...

— А это обязательно? — спросила я тихо. — Я не собираюсь разводиться с вашим сыном. Я люблю его. И он меня

любит.

— Алина, — Бригитта вошла бесшумно и села напротив. — Ты же понимаешь, мы должны защищать интересы компании. Это не про недоверие к тебе. Это всего лишь бизнес. Ты юрист, ты должна понимать. И обрати внимание на ещё одно важное условие.

— Какое? — спросила я, чувствуя, как сердце бьется в висках.

— Ты не получишь ни цента компенсации, если к моменту развода не родишь ему сына.

— Я сама очень хочу детей! — искренне произнесла я.

— Конечно, хочешь, ты же русская!

Мать Джона хмыкнула, как-то довольно злобно.

— Это стандартный договор, знаешь ли, американские девушки не спешат обзаводиться детьми, хотят пожить для себя. А нам нужен наследник корпорации. Но раз ты и сама не против стать мамой, то условие о том, чтобы родить не позже первых двух лет брака, не сильно тебя побеспокоит.

— А если у меня не получится забеременеть в этот срок.

Что будет, если я не рожу? — спросила я, глядя Бригитте прямо в глаза.

Глава 3

— Тогда Джон будет вправе сам с тобой развестись.

— В праве, но не обязан? — уточняю я.

— Ну как сказать.....

Женщина морщит нос с неприязнью.

— Если он этого не сделает, то лишится наследства, — произнеся это, она как ни в чем ни бывало улыбнулась своей голливудской улыбкой.

— Дайте мне ручку, я все подпишу!

Тогда мне хотелось как можно скорее избавиться себя от их общества. Харольд протянул мне перьевую ручку, и я подписала брачный контракт.

Телефон в руке вибрирует — я смотрю на экран. Но вместо ожидаемого ответа от мужа я вижу обычное уведомление от приложения.

Джон не перезвонил, он так и не прочел сообщение. В животе бурчит. С утра ничего не ела. А мне, как говорила мама,

сейчас. положено есть за двоих.

Я нажимаю газ и еду домой. В голове крутится разговор с врачом. «Маркеры, коэффициенты, риски», - все эти пугающие слова навязчиво пульсируют в голове.

Я выбываю и включаю радио. Весёлая поп-музыка врывается в салон авто. И я немного расслабляюсь. Все прояснится. И Джон мне в этом поможет. Он всегда мне во всем помогал. Главное сейчас понять, где мой муж?

Вечером Джон не приходит. Звонит в одиннадцатом часу. В трубке я слышу его усталый голос:

— Привет, детка, — говорит он по-английски, а в моей голове эта фраза звучит как «Хай, детка». — Я задержусь. Аврал.

— Ты почему трубку не брал? — спрашиваю я, стараясь говорить так, чтобы это не звучало упреком.

— Я волновалась.

— Совещание было по очень крупному клиенту, громкое дело, у нас глушилка стояла. Что ты хотела?

— Да ничего... Просто врач сегодня сказала... — начинаю

я, но он перебивает:

— Слушай, давай завтра. Я сейчас вымотан, как собака. У нас там ещё и новые инвесторы из Техаса, родители прес-суют, все горит. Завтра все обсудим, ок?

— последнее слово он произносит с без вопросительной интонацией, и я понимаю, что решение, которое он принял не подлежит пересмотру или обсуждению.

— Ты не придешь ночевать? — спрашиваю я. Мне очень хочется, чтобы оказалось, что я его неправильно поняла.

— Да, останусь в офисе. Родители попросили подготовить документы. Сама понимаешь, им перечить нельзя.

— Хорошо, — отвечаю я тихо. Сердце ухает куда-то вниз.

— Люблю тебя, — произносит он быстро.

— И я....

Но он вешает трубку до того, как я успеваю сказать «тебя тоже люблю».

Я ложусь спать одна. В огромной кровати в таунхаусе, который подарили нам его родители на свадьбу.

Сын пинается всю ночь, не дает уснуть. Но и я сама не даю мозгу расслабиться, гоняя в голове тревожные мысли. Возможно, это гормоны и следствие беременности, но я остро чувствую, будто мой мир вот-вот рухнет.

Четыре дня я живу как на иголках. Джон пропадает на работе, приходит поздно, уходит рано. Мы говорим только о бытовом: что купить, кого вызвать почистить кондиционеры, когда платить за интернет. Про анализы я так и не рассказала. То он занят, то не слышит меня, явно думая о чем-то своем, он глядит в пустоту стеклянным взглядом. И я решаю его уже не грузить, пока не узнаю, что к чему.

Результаты должны прийти сегодня.

Утром я просыпаюсь рано. Мой живот уже не дает нормально выспаться. Проверяю почту. Новых писем нет.

Пью кофе без кофеина, смотрю на пейзаж за окном. Нашу небольшую зеленую лужайку.

Проверяю снова. И снова ничего.

В одиннадцать часов я не выдерживаю и звоню в лабораторию.

— Результаты обрабатываются, — отвечает девушка на английском, а я как всегда мысленно перевожу. — Пожалуйста, подождите до пяти рабочих дней.

— Спасибо, — вздыхаю я обреченно.

В час дня я не выдерживаю. Набираю Джона. Гудок. Гудок. Гудок. Сброс.

Набираю снова. Тишина.

Да что ж такое?!

Уже с трудом сдерживая раздражение, которое рождает сильное волнение, я пишу смс: «Джон, это срочно. Перезвони».

Тишина мне ответом.

Я сижу на кухне, смотрю на телефон и чувствую, как внутри закипает злость. Я тут схожу с ума от неизвестности, ношу под сердцем его ребенка, а он даже трубку взять не может? Что там у них за аврал такой?

Я встаю со стула и быстро переодеваюсь из домашнего спортивного костюма для беременных в повседневную одежду, в которой не стыдно явиться в шикарный офис корпора-

ции его семьи. Затем ищу и не сразу, но нахожу ключи от машины.

— Мы сами к тебе приедем, — говорю я вслух своему большому животу, погладив его.

— Посмотрим на твой аврал!

Офис «Свенсон энд Ассошиэйтс» занимает три этажа в небоскребе в центре Нью-Йоркскa. Стекло, бетон, дорогие машины на парковке, охрана на входе. Я здесь бывала всего пару раз, когда Джон показывал мне владения его семьи и ещё на нескольких корпоративах.

Я паркуюсь на гостевой стоянке. Иду к лифту. В животе тяжесть и странное волнение. Малыш толкается, словно чувствует мое состояние.

— Спокойно, маленький, — глажу живот.

— Сейчас мы найдем папу.

На ресепшене сидит девушка. Блондинка с идеальным макияжем. Новенькая или просто это я её не видела.

— Здравствуйте, я к Джону Свенсону, — говорю как можно увереннее.

— У вас назначено? — спрашивает она по-английски,

профессионально улыбаясь.

— Я его жена.

Улыбка становится чуть шире, но в глазах мелькает что-то... неуловимое, похожее на замешательство.

— Одну минуту, пожалуйста, — говорит она и снимая трубку, набирает внутренний номер. — Лина? Джон у себя?.. А когда он вернется?.. Хорошо.

Она кладет трубку и поднимает на меня невозмутимый профессиональный взгляд.

— Его нет на месте, — чеканит она. — Джон уехал пару часов назад.

— Уехал? — я хмурюсь. — С кем? С родителями?

— М-м... — она снова колеблется, и это колебание режет меня острее ножа.

— Я не в курсе. Возможно с той же клиенткой, с которой приехал. Но я точно не знаю, простите.

— Клиенткой?

— Да, — она опускает глаза. — Мулатка, видная такая девушка, может быть певица или ещё кто известный...

Я молчу. Внутри что-то обрывается.

— Вы не знаете, куда он поехал?

— Нет, извините. Лина сказала только то, что он вернется вечером. Хотите я ему что-нибудь передам?

— Не надо, спасибо.

Я отхожу от стойки ресепшен и достаю из сумочки свой телефон. Набираю Джона.

Гудок. Гудок. Гудок.

— The subscriber you are trying to reach is temporarily unavailable...

Сбрасываю. Набираю снова.

— The subscriber you are trying to reach...

Сжимаю телефон так, что костяшки пальцев белеют.

Набираю в третий раз, уже не веря в успех «этого предприятия» и тут слышу раздраженный голос мужа.

— Привет! Что-то срочное?

— Да, где ты? — с напряжением спрашиваю я.

— Я в офисе, у нас совещание, я не могу говорить.

Визуалы. Алина

Дорогие мои читатели, давайте знакомится с нашими героями.

Алина— двадцатисемилетняя москвичка, выпускница юрфака, приехала в Нью-Йорк на годовую стажировку и оставшаяся там женой наследника солидной юридической династии. Умная, с сильным характером, но по-хорошему наивная, выросшая в любящей семье, где всё решалось открыто, она оказалась в чужом ей мире с неискренними улыбками и брачными договорами.

Алина искренне поверила в красивую сказку, которую ей преподнес Джон: ухаживания без намека на интим до свадьбы, уважение, общий дом. К двадцать четвертой неделе беременности от американской мечты остались лишь сомнения, одиночество в огромном таунхаусе и непроходящая тревога, которую она списывает на гормоны.

Визуалы. Джон

Джон— тридцатидвухлетний наследник «Свенсон энд Партнерс», голубоглазый русоволосый с безупречными манерами. Он свободно разговаривает на русском языке, которому его с детства обучил дед-эмигрант из Одессы. Идеальный муж: красиво ухаживал за Алиной, был заботливым и внимательным, но только до того момента, как она забеременела. А после стал отдаляться. С чем связана перемена его отношения, мы скоро узнаем.

Глава 4

Я паркуюсь у своего таунхауса и выключаю двигатель. Тишина оглушает после шума Манхэттена. Наш дом в Верхнем Ист-Сайде узкий, но элегантный, с кирпичным фасадом и кованой решеткой на окнах, темнеет на фоне вечернего неба. Свет горит только на первом этаже, в гостиной.

Телефон в сумке молчит.

Ни одного пропущенного. Ни одного сообщения.

Я выхожу из машины, и ветер с Ист-Ривер тут же бросает в лицо холодные капли. Март в Нью-Йорке обманчив, днем солнце, вечером ледяной ветер. Обхватываю себя руками, прижимаю сумку поближе и иду к двери.

Еще на пороге слышу музыку. Джаз. Наша пластинка, которую Джон купил в прошлом году в том маленьком магазинчике в Чикаго. Из дома пахнет чем-то вкусным... чесноком, травами и жареным мясом. Я узнаю этот запах. Джон готовит свое коронное блюдо, стейк по-чикагски с розмарином.

— Алина? — голос Джона доносится откуда-то из глубины. — Ты уже дома, солнышко?

Я захожу в холл, вешаю пальто, снимаю обувь. Иду на голос. Прохожу через гостиную и застываю.

На журнальном столике у камина в хрустальной вазе стоит букет пионов. Огромный и пышный букет моих любимых цветов. Рядом стоит бутылка дорогого красного вина и два бокала. В камине потрескивают дрова. Джон разжег его, несмотря на то, что вечер не такой уж холодный.

Он выходит из кухни в фартуке, с лопаткой в руках, и улыбается. Его русский всегда звучит немного смешно с этим мягким, певучим американским акцентом, растянутыми гласными. Но за пять лет брака я привыкла. Даже полюбила.

— Ты рано, — говорит он, растягивая «а» почти до «э».

— Я думал, успею накрыть до твоего прихода.

Я стою и смотрю на него. На его улыбку. На пионы и на смешной фартук, который я купила ему в прошлом году на день рождения. В голове не укладывается.

— Ты... что ты делаешь?

— Готовлю ужин, — он подходит, целует меня в щеку.

От него пахнет кухней и его свежим парфюмом с апельсиновыми нотками.

— Сюрприз хотел сделать. Ты же говорила, что устала от моей работы. Вот, решил реабилитироваться.

Я молчу, перевариваю информацию. Слишком много всего навалилось и как-то неожиданно разрешилось.

— Алин? — он заглядывает мне в лицо, и в его голубых глазах виднеется настоящее беспокойство. — Ты чего? Плохие новости от врача? Что-то с малышом?

Он кладет руку мне на живот, и в этот момент ребенок толкается, очень сильно, будто здоровается с папой или наоборот отфутболивает его. Джон улыбается искренне, тепло, той улыбкой, которую я полюбила в первый же день нашего знакомства.

— Толкается, — говорит он. — Сильный будет, как дед.

Я почти верю. Почти забываю про весь день недоступный телефон и ту таинственную мулатку.

— Ты была у врача? — спрашивает он, ведя меня к дивану. — Что сказали?

— Сказали... — я сглатываю. — Сказали, нужен расширенный тест. Какие-то аномалии в скрининге. Я жду результаты.

— Аномалии? — его лицо напрягается.

— Какие аномалии?

— Генетические, — выдыхаю я. — Но врач сказала, скорее всего, ерунда. Просто для подстраховки решили перепроверить.

Джон садится рядом, берет мою руку. Его ладонь большая, теплая и такая надежная.

— Почему ты мне сразу не сказала? Я бы приехал. Я бы с тобой пошел.

— Я звонила, — в голосе прорезается металл. — Ты был недоступен. Четыре дня у тебя не было на меня времени.

— Алин, ну работа же, — он вздыхает с искренней печалью. — Ты же знаешь, как у нас сейчас с этими инвесторами из Техаса. Я в офисе ночевал почти.

— Сегодня днем ты тоже был в офисе?

Пауза, не слишком долгая, секунду или две, но я её замечаю.

— Да, — отвечает он, глядя мне в глаза.

— Совещание было, потом встреча с клиенткой. А что?

— С клиенткой?

— Да. Крупное дело, наследство. Мишель, дочь одного нашего давнего клиента. Мы обсуждали стратегию.

Я смотрю на него. Он произносит это имя Мишель так легко, так буднично. Как будто ничего особенного с ней его не связывает.

— Я заезжала к тебе, Джон.

Он замирает. Мышцы на его лице едва заметно дергаются.

— Заезжала? Куда?

— В ваш головной офис. На Парк-авеню.

Джон смотрит на меня мгновение, другое. Потом вдруг его лицо разглаживается, и он мягко улыбается.

— Алин, солнышко, — он берет мое лицо в ладони. — Я разве не говорил тебе, что снял небольшой офис рядом с нашим домом?

Я моргаю.

— Что?

— Ну да. Месяц назад. Чтобы быть ближе к тебе, когда ты родишь. Я же не могу постоянно торчать в Манхэттене, если ты вдруг начнешь рожать. А здесь всего десять минут, и я дома.

Я смотрю на него. В голове не укладывается, он снял новый офис, чтобы быть ближе?

— Ты... снял офис рядом с нашим домом?

— Да, на Лексингтон-авеню. Небольшой, но уютный. Я там работаю с самыми важными клиентами, чтобы не мотаться в центр. Джессика на ресепшене просто не знает, я не афиширую. Родителям, сам понимаешь, не очень нравится, что я отдаляюсь от главного офиса.

Он говорит это так убедительно и так спокойно, что это усыпляет мою бдительность. Мне отчаянно хочется ему верить.

— Прости, — шепчу я. — Я просто... эти анализы, гормоны, я накрутила себя...

— Глупая, — он обнимает меня, прижимает к себе. — Иди сюда. Я тебя люблю. И малыша люблю. Никакая клиентка мне не нужна, кроме тебя.

Я прижимаюсь к нему и плачу. От облегчения, от усталости, от всего, что на меня навалилось.

— Пойдем ужинать, — говорит он. — Я там такое приготовил — пальчики оближешь. Мой дед из Одессы научил меня одному рецепту... Ты в него влюбишься. Ну, не в деда, а его в его рецепт, хотя и в деда, конечно тоже...

Я улыбаюсь сквозь слезы. Джон всегда путается, когда говорит о своих русских корнях. Его дед эмигрировал в Штаты в семидесятых, но дома всегда говорил по-русски. И Джона заставлял.

— Внук должен знать язык предков, — говорил он. Дед

многому научил моего мужа, даже пословицам и поговоркам.

Джон до сих пор иногда вставляет русские поговорки, но чаще всего не к месту.

Вечер проходит как в тумане. Джон кормит меня стейком с розмарином, рассказывает о планах на лето, о том, как мы поедем к океану, когда малыш немного подрастет. Мы пьем безалкогольное вино, которое он купил специально для меня смеемся и строим планы на будущее.

— У моего деда был домик на побережье, — говорит муж, нарезаая мясо. — Он всегда говорил: «Джонни, настоящая жизнь - это океан». Мы купим что-нибудь в Хэмптоне, как тебе такая идея?

— Мне нравится, — киваю я.

Я почти успокаиваюсь.

Почему «почти»? Потому что где-то глубоко внутри свербит маленький червячок. Взгляд секретарши. Ее колебание. И эта мулатка «очень видная». А имя-то у неё какое... Мишель. Почему-то оно царапает мой взбудораженный мозг.

Но я заталкиваю червячка поглубже. Сегодня у нас хоро-

ший вечер, каких в последнее время мало. И мне не хочется его портить.

В двенадцатом часу Джон уходит в душ. Я собираю его вещи, которые он скинул на кресло в нашей спальне. Рубашка, брюки, пиджак. Все дорогое, итальянское, как он любит.

Рубашка белая, шелковая. Я беру ее, чтобы повесить на плечики в гардеробную, и замираю.

На воротнике, с внутренней стороны след. Ярко-розовый, четкий след от помады.

Сердце пропускает удар.

Глава 5

Я подношу рубашку ближе к свету. Сомнений нет - это помада. И не моя. Я вообще не крашу губы уже полгода, из-за беременности появилась жуткая аллергия на косметику. Врач сказал исключить всю химию. Так что мои губы сейчас просто бледные, потрескавшиеся, совсем не праздничные.

Пальцы дрожат так сильно, что ткань рубашки начинает скользить.

Я переворачиваю рубашку. И вижу волос.

Темный, длинный и кучерявый, он не просто выющийся, а именно туго завитой, как у афроамериканок. Он прилип к ткани где-то у плеча, почти незаметный на изгибе ткани, но я замечаю.

В горле пересыхает мгновенно, будто песок насыпали. Мир сужается до этого темного женского волоса, который смеет находиться на рубашке моего мужа.

Из ванной доносится шум воды. Джон напевает что-то, кажется, старую русскую песню, которую пел его дед. Я узнаю

мотив. «Очи черные, очи страстные». Он счастливый, довольный, расслабленный, полная противоположность тому, как себя сейчас чувствую я.

Я стою посреди спальни с его рубашкой в руках и смотрю на чужой волос, словно бык на новые ворота.

Затем перевожу взгляд на след помады. Это розовое пятно, словно ожог или как клеймо на безупречной белизне репутации моего мужа.

И тут я чувствую, как внутри поднимается что-то темное, тяжелое и ужасно холодное. Оно поднимается откуда-то из живота, смешиваясь с толчками ребенка, и заполняет грудную клетку, не оставляя места для воздуха.

Малыш толкается. Сильно. Очень больно. Будто чувствует мое состояние, будто кричит: «Мама, что происходит?»

— Тихо, маленький, — шепчу я, но голос не слушается, срывается на сиплый шепот.

В памяти всплывают слова врача, поднимая новую волну ледяной тревоги за ребенка. Из лаборатории до сих пор не позвонили. Анализы молчат. А теперь еще это - помада, и треклятый волос, идеальное имя «Мишель», которое он про-

изнес так легко, так буднично.

Мысли путаются, скачут, заикливаются на одном: она не просто была с ним сегодня. Она была с ним близко. Очень близко. Настолько, что оставила след на воротнике, а её волосы остались на его плече.

Вода в душе перестает шуметь.

Сердце пропускает удар. Сейчас он выйдет. Будет улыбаться, мокрый и пахнувший гелем для душа. Спросит, отчего я такая вдруг бледная. Может, снова скажет что-то про гормоны.

А я не знаю, что ему сказать. Я не знаю, какие слова вообще существуют для этого момента.

И тут живот сжимает резкой, острой болью. Я хватаюсь за спинку кровати, пытаюсь устоять. Боль накатывает волной откуда-то из глубины. Она сдавливает, душит, отпускает на секунду, чтобы через мгновение накатить снова, еще сильнее.

— Ох... — выдыхаю я, сгибаясь пополам.

Малыш толкается, будто хочет вырваться наружу. Воды?

Нет, вроде сухо. Но боль... такая неправильная... такая сильная... Почему? Почему именно сейчас?

Вторая волна накрывает через минуту. Я сгибаюсь еще сильнее, роняя рубашку на пол. Волосок падает на ковер, теряется в ворсе, сером, пушистом, который я так любила. А помада остается на белой ткани, след от измены.

— Алин? — слышу я голос Джона из ванной.

— Ты чего там?

Я хочу ответить, но боль снова сжимает живот, вышибая воздух из легких.

Схватки. Это схватки. Но они пришли слишком рано, так быть не должно.

Дверь ванной открывается.

Джон выходит, завернутый в полотенце, мокрый, расслабленный. Капли воды блестят на его плечах, стекают по груди, по прессу, который он так тщательно качает в спортзале.

— Алин? — он видит мое лицо и бледнеет мгновенно, вся расслабленность исчезает.

— Что? Что случилось, детка?

— Боль... — выдавливаю я, вцепившись в спинку кровати.
— Живот... кажется, схватки...

Он подбегает, подхватывает меня под руки. Полотенце спадает с его бедер, но он этого не замечает. На его грудь каплют мои слезы, я даже не поняла, когда начала плакать.

— Тихо, тихо, — бормочет он, и в его голосе впервые за этот вечер нет той лживой сладости, есть только настоящая паника.

— Я вызову 911. Сейчас, сейчас. Держись, малышка.

Он усаживает меня на кровать и хватает телефон. А я смотрю на пол. Туда, где лежит его рубашка. Где остался след другой женщины. Потом перевожу взгляд на ковер, пытаюсь отыскать там тот темный волос, но его уже не видно. Он исчез. Как будто его и не было.

Как будто я все придумала.

Боль накатывает снова, и я проваливаюсь в нее, забывая о времени и пространстве. Слышу его голос, но слова не складываются в смысл, просто звуки, посторонний шум.

Перед глазами мелькает прошлое, которое врывается в на-

стоящее, как вода в тонущий корабль.

Наша свадьба. Я помню каждую секунду.

Церковь на Пятой авеню, залитая солнечным светом через витражи. Белые розы повсюду, их так много, что воздух кажется сладким. Гости в дорогих костюмах и шляпках. Мои родители в первом ряду. Моя мама плачет, а папа сжимает ее руку. Родители Джона Харольд и Бригитта сидят ровно, с идеальными улыбками, но я знаю, что они не чувствуют ни капли теплоты.

Но мне все равно. Потому что передо мной стоит Джон.

В черном смокинге, с бабочкой, чуть сбившейся от волнения. Глаза блестят то ли от света, то ли от слез, которые у него появились, когда он увидел, как я свадебном платье иду к алтарю. Он берет мои руки в свои большие, теплые, чуть влажные.

Священник говорит что-то важное, но я не слышу. Я слышу только Джона.

Он смотрит на меня и начинает свою клятву. С легким акцентом, который всегда так трогательно звучит в самые серьезные моменты.

— Алина, — говорит он. — Я долго думал, как сказать тебе всё, что я чувствую. По-английски это звучит красиво, но мое сердце говорит на языке моего деда. Так что прости, если слова будут неправильные.

Он сжимает мои руки крепче.

— Я обещаю тебе не то, что буду идеальным. Я обещаю тебе, что буду настоящим. Что ты всегда будешь знать, кто я на самом деле. Никаких масок, никакой лжи, только я, только ты и наша любовь.

У него на глазах блещут слезы, а у меня они уже текут в три ручья.

— Я обещаю защищать тебя от того, что может сделать больно внутри. От моих ошибок, от моей глупости, от моих страхов. Я обещаю, что ты никогда не усомнишься во мне.

Он замолкает на секунду, сглатывает.

— Я обещаю любить тебя каждый день. Даже когда буду злиться. Даже когда буду усталым. Даже когда буду неправ. Потому что любовь - это не только чувство, но ещё и выбор. И я выбираю тебя. Сегодня, завтра и всегда.

Я пытаюсь не расплакаться, но это невозможно. Слезы текут, и я даже не пытаюсь их вытирать.

— И еще я обещаю, — он улыбается сквозь слезы, — что научу нашего ребенка русскому языку. Чтобы дед гордился им, а ты гордилась мной. Чтобы мы были настоящей семьей.

Мы целуемся под аплодисменты гостей. Мама плачет навзрыд. Даже Бригитта, кажется, смахивает слезу, но я не уверена, возможно, это игра света.

Тот день был идеальным.

А сейчас... мир плывет перед глазами.

От автора

Дорогие друзья!

Огромное спасибо, что читаете мою новую книгу!

Прошу вас поддержать меня на старте и добавить книгу в библиотеку. А ваши лайки, комментарии и наградки от самых щедрых читателей станут лучшим топливом для новых глав этой горячей и очень эмоциональной истории.

Обязательно подписывайтесь на страничку автора:
<https://litnet.com/shrt/ASP7>

Сегодня у меня вышла новая книга 18+ "Залёт. Останови этот полёт" ##

ТОЛЬКО сегодня, 10 марта, ищите на моей страничке скидки на две мои уже законченные книги ####

А кому-то повезёт и любая моя книга достанется абсолютно бесплатно, дарю вам промокоды:

l9j4faH7

qbSZ171l

VTzDtTlm

FVA4TQ- _

FxFezhc7

Глава 6

Сирена врывается в мой бред пронзительным воем. Я сжимаюсь от нового спазма, но этот звук перекрывает даже боль.

— Алин! Они приехали! — Джон трясет меня за плечо, но я почти не чувствую его рук.

— Слышишь? Сейчас все будет хорошо!

Хорошо. Смешное слово с учётом всего того, что происходит.

Вспышки красно-синего света мелькают за окном, отражаются от стен спальни. Топот ног по лестнице, громкие голоса, команды на английском. Дверь распахивается, и в комнату врываются двое: женщина и мужчина в синей форме парамедиков.

— Миссис Свенсон? — женщина склоняется надо мной, щупает пульс, смотрит в глаза фонариком. — Мы сейчас вас заберем. Сколько недель?

— Тридцать шесть... — выдавливаю я сквозь очередную волну боли.

— Преждевременные, — бросает она напарнику. — Давление? Схватки?

Дальше все происходит, как в замедленной съемке. Меня перекладывают на носилки, фиксируют ремнями. Джон мечется рядом, сует им какую-то сумку, документы, говорит что-то быстро-быстро. Я не разбираю слов. Я смотрю в потолок, на котором пляшут тени от ламп скорой, и думаю только об одном:

Волос. Темный, кудрявый волос. И помада. Ярко-розовая.

— Алина! — голос Джона вырывает меня из оцепенения. Муж уже в машине, сидит рядом, держит за руку. — Смотри на меня. Смотри на меня, детка. Дыши. Просто дыши.

Я смотрю. Голубые глаза, светлые волосы, все ещё влажные после душа, правильные черты лица. Мой красивый муж. Мой любящий муж. Мой... лгущий муж?

Новый спазм выгибает меня дугой, и я кричу. Врач скорой что-то командует, напарник давит на газ, и Нью-Йорк проносится за окном разноцветной размытой лентой.

Приемный покой больницы Святого Луки встречает бе-

лым светом и запахом стерильности. Меня переключают на каталку, везут куда-то быстро-быстро.

Джон бежит рядом, не отпуская мою руку.

— У нас преждевременные роды, тридцать шесть недель,

— говорит он медсестре.

— Она моя жена, я буду рядом.

— Только после осмотра врача, сэр, — останавливает его женщина в синей униформе. — Оставайтесь здесь.

— Но...

— Сэр.

Он отпускает мою руку. Я вижу его лицо в последнюю секунду, перед тем как меня вкатывают в распахивающиеся двери. Оно растерянное, испуганное и такое искреннее.

Или мне только кажется?

Потолок плывет надо мной. Лампы, лампы, лампы. Повороты. Голоса. Кто-то спрашивает что-то про аллергии, про группу крови, про последний прием пищи. Я отвечаю на автомате, слова вылетают раньше, чем я успеваю их обдумать.

— Анастезиолога! — кричит кто-то.

— Давление падает!

— Ребенок в тазовом? — другой голос, мужской, глубокий и спокойный.

— Давайте УЗИ быстро.

Я пытаюсь повернуть голову, посмотреть, кто говорит. Голос незнакомый, но в нем есть что-то... успокаивающее. Как будто сам факт его существования обещает, что все будет хорошо.

— Миссис Свенсон, — этот голос теперь прямо надо мной. — Я доктор Мур. Я буду вести ваши роды. Сейчас мы сделаем все возможное, чтобы малыш появился на здоровым. Вы меня слышите?

Я поднимаю глаза.

И мир снова останавливается.

Надо мной склоняется мужчина. Высокий, широкоплечий, в белом халате, который сидит на нем как дорогой костюм. Темная кожа, глубокого шоколадного оттенка, сияющая в больничном свете. Глаза карие, почти черные, но с золотыми искорками. Правильные черты лица, четкая линия

челюсти, легкая щетина. Он красив. Не той стандартной красотой, к которой я привыкла в окружении Джона и его друзей, а какой-то другой... мощной, уверенной, спокойной.

Он афроамериканец.

Эштон. Его имя я читаю на бейдже: «Эштон Мур, главный врач отделения».

— Миссис Свенсон? — он слегка улыбается, и в уголках его глаз появляются лучики морщин. — Вы со мной?

Я киваю, потому что голос пропал.

— Хорошо. Сейчас будет больно, но мы поможем. Слушайте меня, и все будет хорошо.

Он берет меня за руку на секунду, просто чтобы передать уверенность. Его ладонь большая и теплая, темная. На фоне моей бледной кожи этот контраст кажется нереальным.

— Схватки! — кричит кто-то. — Идет!

Боль накрывает с головой, и я перестаю думать. Остается только тело, только схватки, только крик, который рвется из груди.

— Дышите, миссис Свенсон! — голос доктора Мура пробивается сквозь пелену. — Со мной! Вдох! Выдох! Давайте!

Я дышу. Я стараюсь. Я хватаю воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

— Хорошо, — говорит он. — Еще. Вы молодец. Вы отлично справляетесь

В перерыве между схватками я открываю глаза. Доктор Мур стоит рядом, смотрит на мониторы, отдает команды медсестрам. Он спокоен, сосредоточен, профессионален. И почему-то от его присутствия действительно становится легче.

Или это просто шок?

— Миссис Свенсон, — он снова поворачивается ко мне. — У нас небольшая проблема. Ребенок не хочет переворачиваться. Возможно, придется делать кесарево.

Кесарево.

Новый страх вплетается в боль.

— Мой муж... — шепчу я. — Он там... Можно он будет рядом?

Доктор Мур смотрит на медсестру, та качает головой.

— Простите, — говорит он мягко. — При экстренном кесаревом мы не можем допустить посторонних в операционную. Но он может наблюдать за ходом операции из коридора. У нас предназначена для этого прозрачная стена.

Он снова берет меня за руку.

— Я позабочусь о вас. И о ребенке. Доверьтесь мне.

Я смотрю в его глаза. Золотые искорки танцуют в карих глубинах. В них такая сила и уверенность, что я впервые отпускаю ситуацию.

— Верю, — шепчу я.

И проваливаюсь в темноту.

Дорогие читатели, начинаю вас знакомить с книгами нашего литмоба "Развод с иностранцем".

Приглашаю в кавказскую историю Анны Жуковой

“РАЗВОД (НЕ) ПРЕДУСМОТРЕН. ЕГО ВТОРАЯ ЖЕ-

HA”

Я подняла взгляд на Джамала.

– Не смей, – прошептала я. – Не смей делать это с нами. Не смей делать это с ними. – Я кивнула на дочек. – Прогони её. Сейчас же. Пока не поздно.

«Скромная» вдова опустила глаза долу, скрывая улыбку победительницы, которую я всё же успела заметить.

— Лада, Гымзал — моя вторая жена и теперь она будет жить в моём доме, — безапелляционным тоном заявил муж.

ПЕРВАЯ ГЛАВА ТУТ: <https://litnet.com/shrt/4am8>

Глава 7

Я открываю глаза и несколько секунд не понимаю, где нахожусь. Белый потолок, белые стены, монотонный писк аппаратуры. Больница. Точно, я в больнице.

— Миссис Свенсон? — надо мной склоняется молодое лицо в медицинской маске. — Как вы себя чувствуете?

Я пытаюсь пошевелиться. Живот... Он на месте. Большой, круглый, тяжелый. Ребенок внутри толкается слабо, будто спрашивая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.